

СОВРЕМЕННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ: ИЗ «ТЕНИ» — К ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ, «ОТКРЫТОЙ» НАУКЕ

В статье анализируются основные проблемы современной футурологии как науки, задача которой — продуцирование модели рациональной идеологии и практики, проекта развития оптимального будущего.

Ключевые слова: *футурология, ноосфера, проекты, сценарии будущего.*

«Futurum», как известно, означает «будущее». Футурология же, соответственно, обозначает науку, занимающуюся исследованием будущего, которое, конечно же, интересно всему разумному. Разум предельно заинтересован в определении перспектив собственного бытия, отсюда необходимость продуцирования соответствующей области научного знания, охватывающей все сущее в его прошлом, настоящем и возможном будущем. Футурология — это попытка уловить всеобщую взаимосвязь, причинность явлений, установить точки уязвимости в социальном процессе, с целью его оптимизации, снятия противоречий. Целью футурологии являются прогнозирование, прогностика, с необходимостью снимающая хаос, неупорядоченность и неизбежность различных катастроф (прежде всего глобальных); определение границ возможной свободы существования, выбора. Это сфера знаний о необходимых предпочтениях, ценностях, мотивациях и разрабатываемых на этой основе «сценариев» будущего, где избираемым, естественно, является оптимальный, «выгодный».

По мере усложнения картины мира формировалось и понимание глобальной неопределенности, трудности в фиксации причинно-следственных связей. Отношение к футурологии тоже менялось, как и само качество ее прогнозов, зависящее от надежности применяемых методов, инструментария; общих объективных возможностей; способностей субъективного фактора — умений, знаний, фантазии «пророчествователей». Архаика, утопичность, прагматизм, научность — «этапы большого пути» футурологии. Ее субъекты — волхвы и пророки; «специалисты», обслуживающие отдельные сферы человеческого бытия, конкретные ситуации; наконец — ученые. Отсюда и три фиксируемых уровня футурологического прогноза: искусство (литература, кино, телевидение); конкретно-прагматические исследования (анализ); наука о будущем как методология познания мира природы, общества, человека.

Поиски оснований человеческой деятельности, которые позволяли высказывать предположения о будущем, присутствуют уже в ранних обществах и цивилизациях Древнего мира. Здесь наличествуют все формы человеческого воображения, отражающие мир как глобальный процесс. Фиксируется и главная причина грядущего кризиса, возможность гибели цивилизации: не удовлетворившись уже созданным, имеющимся, человек, возгордившись своими возможностями, наличием разума, начал творить собственный мир. На этом пути он достиг многого, но и поставил под сомнение свой конечный успех, ибо почти забыл о главном, основополагающем в человеческой жизни, деятельности: нравственных категориях бытия. Это был прогноз на все времена, остро

ощущаемый и современной цивилизацией, мучительно ищущей выхода из тупика своего развития.

Все сущее уже в мифах предстает как единое, взаимосвязанное и взаимообусловленное: Космос — Природа — Человек. В основе их взаимоотношений — согласие, гармония, целостность. Их единство выстраивается с позиций Добра, Зло же трактуется как разрыв в цепи гармонии и всеобъемлющего порядка. Этот нравственный закон был нарушен в ходе человеческой деятельности. Цивилизационное все больше подавляло духовное, культурное, все сильнее склоняясь к индивидуальному, частному, утилитарно-прагматическому, сводясь к банальным попыткам рационального просчета ситуации (сегодня — «бизнес-плану», «прикладной футурологии»). Искусство в целом взывало: ищите добра, справедливости; «попрекало» человечество «греховностью». Сказки обещали «чудо»: мир в целом справедлив, добро обязательно победит зло. Вера в «чудо» была основой русского фольклора, да и всего мировоззрения в целом. Русь спасали герои-великомученики и святые, иконы и божественные видения, силы. И, похоже, вера в чудо сегодня, как никогда, снова необходима, ибо сила в ней заложена преогромная. Жаждающие лучшего будущего не могут от нее отказываться.

Свои прогнозы будущего еще более активно предлагает современное искусство. Та же фантастика — форма отображения мира, заключающаяся в построении на основе реальных представлений образов нереального, «чудесного» по сравнению с существующей действительностью. Эта логика относится не только к сфере литературы, но и к театру, живописи, кино. В основе ее лежит прогноз будущего в жанре утопии или антиутопии (философской, технологической, бытовой...). Это мыслительный эксперимент, способный «спроецировать» настоящее на задуманное будущее, немислимый прорыв сделать «невероятное очевидным». Современные кино (особенно Голливуд) и ТВ демонстрируют варианты возможного будущего, позитивного и негативного, и эти сценарии «внезапно» становятся реальностью. Похоже, мистика тоже занимает все большее место в нашем сознании, а следовательно, и в футурологии (не зря российское телевидение открыло целый канал, посвященный ей).

К сожалению, в современной футурологии, как мы уже отмечали, превалирует прикладная футурология, в основе которой — ориентация на наивно-материалистическое счастье, мечта, измеряемая килограммами, метрами, тоннами. Вокруг них усиливается «лихорадка», требующая «хлеба и зрелищ». Главная, всепронизывающая ее основа — коммерческая: все — бизнес, купля-продажа, подлежит монетизации (где деньги, только там и жизнь). Отсюда соответствующие прогнозы и варианты планирования, страдающие экономоцентризмом: нацпроекты, целевые программы, стратегии развития, уже помянутые бизнес-планы. Это несложно-трехмерное планирование, тренд которого — триада сценариев: хороший, средний, плохой. Маркетинговые, социологические, политологические исследования призваны обеспечить будущее уже существующему, снять риски, угрозы, пролонгировать, а лучше приумножить доходы, прибыли. В сущности, это наука не о будущем, а о настоящем, претендующем на будущее, попытка остановить историю: продлись, товарно-материальное благополучие, ты — прекрасно! Проблема, однако, в том, что такой тип благополучия уже подходит к концу, его просто не способны обеспечить (для

всех) усилия Земли и самого человека, ресурсы которых, увы, не бесконечны. Потому от прикладных исследований, объем которых явно превалирует, необходимо активно переходить к прогнозу глобально-нового, принципиально иного будущего. План-эскиз такого будущего (интересен он прежде всего тем, что был реализован на практике), обещавший надежду всему человечеству, был дан в XIX в., в одной из действительно научно-обоснованных теорий общественно-экономического развития, содержащей одновременно жесткую критику тогдашнего капитализма — фундаментальном труде К. Маркса «Капитал». Его футурологический прогноз о том, что пробыет час расплаты для капиталистической частной собственности и экспроприаторов экспроприируют, сбывшийся, казалось бы, уже в начале следующего столетия, был опровергнут в конце. Однако грянувший ныне глобальный финансовый кризис, грозящий переходом в общеэкономический, вынудил обратиться к государственному надзору, регулированию, повальной национализации банков (ибо угрожает разорением крупнейшим корпорациям). Этот факт, а также явный кризис общественных ценностей в целом, заставили сознание (вслед за бытием, что прямо по Марксу) вновь обратиться к фундаментальному прогнозу и планированию. Причем левые настроения процветают, что уже неожиданно, даже в оплоте современного капитализма — США. Некоторые аналитики даже полагают, что сегодня на волне кризиса уже происходит «всемирная социалистическая революция», когда все риски берет на себя государство. Впрочем, социализм каждым понимается по-своему, порой очень своеобразно, как и демократия. Если первые 80 лет прошлого века реальное и бескомпромиссное понимание последней было связано с «геноцидом богатых», то сегодня это обернулось снятием запрета на «геноцид бедных», по выражению академика В.П. Казначеева, «культу капиталократии». В результате опять отодвигается в неопределенное будущее «сохранение и развитие нации как единого целостного исторического социального организма» [1, с. 13].

Проштудировав Маркса, идеологи стали искать способ спасения от его прогноза, обещавшего отмену господства буржуазии, на смену которой с неизбежностью придет иной, новый класс. И методология сохранения была найдена: раз история так устроена, следует отменить ее вовсе, исключить развитие, изъяв эту идею. Остановить социальное время, объявив его прекрасным; не изменять порядок вещей, а культивировать всевластие бесконечно развивающейся вещи, потребности в ней. Сформировать «потребительское общество», общество все более расширяющегося, неизбежно желаемого, внушаемого потребления. Это было открытие, подобное вечному двигателю, способному вращаться бесконечно, двигающемуся благодаря экспансии все возрастающих потребностей: новый человек, уже не нуждающийся в новом мире, а только ищущий своего места в мире вещей, жаждущий оказаться в его эпицентре. Это субъект антиистории, антиразвития: потребитель, потребивший саму историю, и тем самым снявший ее.

Но история имеет свойство продолжаться, тем более что стало ясно: данный образец для подражания — со многими, в том числе опаснейшими дефектами. А потому спрос на новые идеи нарастает. Вот только, к сожалению, можно констатировать, что современная футурология — это в основном «истины вчерашнего дня», мало работающие на перспективу. «Глобально-научная»

футурология сегодня — это социал-дарвинизм, неомальтузианские идеи социального пессимизма, признание неизбежности и даже необходимости катастрофы. Так работает Римский клуб с его глобальным моделированием, где преобладают жесткие интонации в определении перспектив развития человечества. В качестве альтернативы предлагаются разные проекты улучшения природы, «оптимизация капитализма», оптимизация фактора власти в деловой и повседневной жизни [2, с. 22–24].

Заметны различия в подходах и степени внимания к футурологии в России и, например, США. Там есть конкретные рабочие структуры: агентства по передовым технологиям, инновациям, прогнозу, моделированию. У нас все пока в основном в стадии становления. К примеру, на уровне «отраслевых» библиотек подобная учебная и научная литература практически отсутствует, а значит, невозможна и соответствующая учеба. Американские же чиновники обязательно проходят соответствующую стажировку, отсюда четкий механизм принятия решений, исключающий игнорирование перспективных интересов страны, эффективная работа на них. Наша региональная элита слабо подготовлена к работе на перспективу, особенно в условиях возможного системного кризиса (пример тому — ситуация в стране после ее распада, когда последствия оказались очень тяжелыми, даже трагичными, растянутыми на десятилетия). Свою роль играют и такие социальные болезни, как боязнь открытости и независимости, игнорирование властными структурами мнений ученых, готовность самих экспертов идти навстречу пожеланиям заказчика (он платит, хочет конкретного вывода — такой вывод ему и предлагают).

Современная футурология (вслед за Э. Тоффлером) констатирует: человечество испытывает «футуршок» — шок будущего и перед будущим [3, с. 16]. Болезнь может оказаться смертельной, и не из-за исчерпания кладовых земли, выхода из-под контроля атомной энергии, природных катастроф, а от утраты чувства реальности, жизненных ориентиров, психологических, информационных, технологических нагрузок, вызванных высокими темпами перемен. Внешнее ускорение переходит во внутреннее, оборачиваясь хронической усталостью, быстрым износом (не отсюда ли популярность идеи клонирования человека, перераспределения, сбрасывания нагрузок). Подобно доисторическому человеку, мы сталкиваемся с абсолютно новым миром. Но если в прошлом неизменность была идеалом («не дай Бог родиться и жить в эпоху перемен»), то сегодня все временно: потребности, вещи, жилища, человеческие отношения. Даже человеческое тело, прежде бывшее стабильным, теперь не является таковым: распространяются пластические операции, искусственные органы, целые «биологические фабрики». Неизбывное чувство краткости, непостоянства, недолговечности — результат реакции на эти феномены нарастающей дегуманизации.

Социальное время сжимается, как шагреновая кожа, порождая «стресс решений», одновременно стирая границы между профессиями, специальностями, вынуждая учиться постоянно, всю жизнь. Знание сегодня выступает как главное «жизнеобразующее топливо», источник перемен, развития, высокоскоростного темпа жизни. В том числе особо необходимо знание о будущем. Э. Тоффлер утверждает, что «серьезные интеллектуалы смело говорят об образовании, нацеленном на перемены, или о подготовке людей к будущему. Но мы на самом деле ничего не знаем о том, как это делать... остаемся в жалком

неведении» [3, с. 16]. С другой стороны, необходимо не только движение в будущее, но и здоровый консерватизм, сохранение традиций собственной культуры. Пока же мы все больше походим (и в политике, и в экономике, и культуре) на «плохую Америку», заимствуя под лозунгами демократии двойные стандарты, гиперболизированную политкорректность и ее основной продукт: тотальное единомыслие. Портится «геном человечности», не только «разумный», но и «духовно-культурный». А ведь последний — тоже вполне реальный эволюционный механизм, без которого, собственно, нет ни человека, ни человеческого рода в целом. «Мировое сообщество, — заключает в статье «Взгляд на российскую действительность с точки зрения ноосферы» А.М. Егорычев, — это государства, имеющие свою уникальную национальную культуру, традиции и менталитет, верование и способы выживания, не всегда совпадающие в прямом сопоставлении. Та глобализация, которая сегодня происходит и предлагается массовому сознанию, ни в коей мере не учитывает национальные культуры как важнейший фактор и критерий их выживания» [1, с. 252].

Сегодня человечество остановилось у барьера необходимости принять принципиальное решение и явно боится потрясений, которые неизбежны при шаге к новой парадигме бытия. Странность заключается в том, что уже осуществляются научные эксперименты, моделирующие процесс возникновения самой Вселенной (с помощью большого адронного коллайдера, и при этом не боятся тотально опасных следствий); решимость же на явно менее угрожающие действия по выходу из социального тупика пока не просматривается. Зато очень многие усилия и средства уходят на поддержание статус-кво существующей системы. Очередной глобальный финансовый кризис пытаемся снять общими усилиями. Совершенно очевидно, что вместо этой «пизанской башни-пирамиды» необходимо строить другое здание, на принципиально ином фундаменте. Существующие противоречия в системах как отечественного, так и мирового социума в целом крайне обостряются и будут явно продолжительными во времени. Пока нет четко выраженной программы, целей, способов, методов их разрешения. В то же время и отечественная, и мировая цивилизация содержат беспрецедентные возможности по построению нового, справедливого, ноосферного по сути общества. Таковы законы движения как биологической, так и социальной материи. Итогом должны быть новое человечество, новое сообщество *Homo sapiens*, преодолевших самих себя [1]. Необходимо отбросить личностно-эгоцентрическое сознание, освободиться, по выражению Олдоса Хаксли, от ограниченности, навязываемой нашим «я». Надо возвыситься над областью собственно человеческого, «осуществить то духовное, то вневременное добро» — вечное, высшее [4, с. 105]. На смену конфликтующим частям «семьи народов» должна прийти и укрепиться идея «народа-семьи», целого, которое наконец-то вместе, ибо иначе уже нельзя. Практически необходимы конкретные «честные» технологии этого единения. Проблема будущего — не только и не столько в экономике. Фактический отказ от нравственных критериев приводит к утрате пассионарности, стремительному старению тела и духа цивилизации. Отсюда неизбежный вывод: экономоцентризм как идеологический мобилизационный фактор, условие развития «самой передовой части мира», исчерпал себя и требует замены. Следует обратиться к фундаментальному культурному опыту. Возможна ли такая «пересадка сердца», покажет, разумеется, только сама жизнь. Просто перехитрить социальное

время страусиной политикой не удастся. Побороть изначальные и нынешние страхи, вооружить «волей к жизни» — вот рациональные идеология и практика, которые определяют смысл и задачи современной футурологии. Футурология должна выйти «из тени к свету», стать значимой, востребованной, «открытой» не только для элиты, но и для всего общества наукой, теорией развития, учебной дисциплиной в инновационно-ориентированных структурах и соответствующих вузах.

Наличие разума все еще оставляет человечеству шанс отказаться от всего того, что грозит апокалиптическими сценариями. А потому необходимы в куда большей степени не альтернативные источники энергии, а альтернативные идеи — программы общественного бытия. И этот поиск следует осуществлять с точки зрения высокого, вечного, фундаментального. Именно этих высот более всего страшится современное человеческое сознание (ибо повседневное с этих вершин не выдерживает никакой критики).

Цели и законы нашего существования не могут быть до конца познаны, а значит, под сомнением и сами возможные перспективы — прожекты. Однако идея бессмысленности всего сущего отторгается (по крайней мере пока) массовым человеческим сознанием, что и дает повод для оптимизма в науке вообще, футурологии — в частности. В то же время отметим, что существует достаточно точно аргументированный, научный, объективный прогноз, выявляющий имеющиеся закономерности саморазрушения в сферах экологии, демографии, образования и воспитания, семьи. Об этом уже пишут многие и многое, что только подчеркивает резкое возрастание необходимости долгосрочного планирования и прогнозирования развития как отдельных стран, так и всего человечества. Наличие глобальных проблем современности, справедливо заключает в статье «Проблемы футурологии (Вера, религия, наука)» В.П. Казначеев, обуславливает, в свою очередь, глобальность проблем настоящего и будущего футурологии как науки [5, с. 23–37] — универсальной методологии постижения «формулы успеха» на базе как научных гипотез и предположений, конкретного эмпирического материала, так и философских допущений, интеллектуальности и духовности. В размышлениях о будущем необходимо объединение художественного, религиозного, научного познания. Только подобный союз способен породить интеллектуальный взрыв космического масштаба, создающий новую реальность и новую жизнь. «Жизнь, — писал О. Хаксли, — может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью науки о жизни» [6, с. 10]. Важен не сам прогресс физики, химии, техники и технологий, а то, как этот прогресс влияет на личность человека. Науки же о материи без ценностной размерности способны уничтожить саму жизнь или сделать ее невыносимой.

Библиографический список

1. Казначеевские чтения. 2009. № 2. Глобальные проблемы ноосферы: природа, человек, общество, культура. Новосибирск: ЗСО МСА, 2009. 258 с.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2009. 669 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 558 с.
4. Хаксли О. И после многих вёсен. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1992. 272 с.
5. Казначеев В.П. Проблемы футурологии (Вера, религия, наука) // Казначеевские чтения. Новосибирск: ЗСО МСА, 2009. С. 23–37.
6. Хаксли О. О дивный новый мир. СПб.: Амфора, 1999. 541 с.